

«Чайковский и Римский-Корсаков в их личных взаимоотношениях» — неопубликованная статья А. Н. Римского-Корсакова

З. М. Гусейнова

Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова,
Российская Федерация, 190000, Санкт-Петербург, Театральная пл., 3

Для цитирования: Гусейнова, Зивар. «Чайковский и Римский-Корсаков в их личных взаимоотношениях» — неопубликованная статья А. Н. Римского-Корсакова. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение* 8, no. 4 (2018): 567–77. <https://doi.org/10.21638/spbu15.2018.402>

Статья посвящена рассмотрению материалов, связанных с работой в 1930-х годах сына композитора — музыковеда, текстолога, доктора философии А. Н. Римского-Корсакова (1878–1940) по подготовке впервые предпринимаемой научной публикации небольшой по объему, но весьма значимой переписки выдающихся русских композиторов П. И. Чайковского (1840–1893) и Н. А. Римского-Корсакова (1844–1908). Письма музыкантов до этого времени публиковались лишь частично, на них опирались и фрагментарно их цитировали исследователи творчества композиторов. А. Н. Римским-Корсаковым собраны все известные в 1930-е годы письма композиторов друг к другу (в то время они были выявлены не полностью) из разных архивохранилищ СССР, в том числе из Дома-музея П. И. Чайковского в Клину, выполнен научный комментарий документов, подготовлена большая научная статья, раскрывающая суть затронутых в письмах проблем и обозначающая сложнейшие аспекты творчества музыкантов. Переписка была опубликована только в 1945 г. в третьем сборнике статей «Советская музыка» без вступительной статьи А. Н. Римского-Корсакова, и в последующих изданиях писем обоих композиторов материалы исследователя уже практически не использовались. В настоящее время они хранятся в фонде ученого в Кабинете рукописей Российского института истории искусств (Санкт-Петербург) в виде, во-первых, вступительной статьи к публикации переписки, во-вторых, самостоятельного исследования взаимоотношений музыкантов. Несмотря на то что со времени подготовки данных материалов прошло более 80 лет, они сохраняют свою значимость благодаря общей эрудиции и высокому исследовательскому уровню автора, его сопричастности многим рассматриваемым событиям, а также личной заинтересованности в объективном объяснении содержания переписки.

Ключевые слова: П. И. Чайковский, Н. А. Римский-Корсаков, А. Н. Римский-Корсаков, переписка, исследование, рукопись, Российский институт истории искусств.

В истории музыки переписка П. И. Чайковского и Н. А. Римского-Корсакова, несомненно, должна была быть опубликована одной из первых. Хотя фрагменты писем цитировались во многих работах (в частности, в трехтомном труде М. И. Чайковского «Жизнь П. И. Чайковского» [1]¹), планомерная, документально

¹ Материалы переписки нашли отражение на страницах ряда работ о Н. А. Римском-Корсакове [2–4].

подтверждаемая подготовка писем к печати началась в середине 1930-х годов благодаря деятельности второго сына композитора Андрея Николаевича Римского-Корсакова² — философа, музыковеда, текстолога³. А. Н., говоря о необходимости публикации писем, пишет: «Впервые эта мысль явилась у того же Модеста Ильича [Чайковского], которому мы обязаны *предварительным знакомством с выдержками из переписки его брата с Николаем Андреевичем*. В 1915 или 16 году он прислал подготовленную (помнится, лишь вчерне) рукопись переписки в редакцию журнала “Музыкальный современник”. По чисто читательским соображениям использование рукописи было тогда временно отложено. Позднее же <...> (т. е. еще в 1916 г.) рукопись бесследно пропала, а вскоре затем прекратилось, как известно, и самое издание “Музыкального современника”⁴. Лишь в 1935 году пишущему эти строки удалось снять копии с писем Николая Андреевича и Петра Ильича и восстановить таким путем тщательно выверенный двусторонний текст переписки» [I, л. 3–4].

Подготовленные к изданию материалы включали тексты писем (для А. Н. было важно издать двустороннюю переписку) и комментарии к ним, а также развернутую вступительную статью. А. Н. копировал письма в Публичной библиотеке в Ленинграде⁵, несколько раз работал в Доме-музее П. И. Чайковского в Клину, разыскивал и проверял тексты. Наследники Н. А., как известно, регулярно общались с сотрудниками Дома-музея. Выделим среди неопубликованных материалов старшего сына композитора М. Н. его письмо из Клина от 10 августа 1934 г. М. Н. пишет А. Н. в Ленинград: «...я сегодня приехал в Клин вместе с Николаем Тимофеевичем [Жегиным]⁶. И восхищаюсь уже всем, что видел. Действительно необыкновенно интересно, и вся обстановка крайне симпатична <...>. Николай Тимофеевич тебе пишет. Он может устроить тебя в комнате Модеста Ильича» [II, л. 65]. Вопросы о разысканиях в Клину М. Н. задает А. Н. и позже; 30 июля 1935 г. М. Н. пишет брату в Клин: «Как идет твоя работа по переписке Чайковского и Римского-Корсакова?» [III, л. 68].

К 1940 г. работа была закончена, хотя, как показали дальнейшие разыскания, собранными оказались не все автографы⁷. Машинопись исследования была сдана

² Далее имена некоторых персон даются в сокращении (кроме цитирования документов):
Н. А. — Николай Андреевич Римский-Корсаков,
А. Н. — Андрей Николаевич Римский-Корсаков,
М. Н. — Михаил Николаевич Римский-Корсаков,
Н. Н. — Надежда Николаевна Римская-Корсакова.

³ Материалы А. Н. хранятся в Кабинете рукописей Российского института истории искусств (далее — РИИИ).

⁴ А. Н. был редактором-издателем журнала «Музыкальный современник» в 1915–1917 гг.

⁵ Государственная публичная библиотека, с 1932 г. — имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), ныне — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

⁶ Жегин Николай Тимофеевич (1873–1937) — русский музыкальный деятель, исследователь; племянник П. М. Третьякова. С 1916 г., согласно завещанию М. И. Чайковского, — хранитель Дома-музея П. И. Чайковского в Клину (с 1923 г. — заведующий, с 1925 г. — его директор). Н. Т. Жегиным подготовлены к публикации переписка П. И. Чайковского с А. И. и Н. А. Губертами [5], дневники П. И. Чайковского [6], где он выступил как автор примечаний; вместе с В. А. Ждановым Жегин участвовал в издании переписки Чайковского с Н. Ф. фон Мекк [7].

Здесь и далее при публикации документов сокращения в текстах раскрываются без специальных оговорок.

⁷ По данным издания переписки в 1970 г., сохранились не 32, как полагал А. Н., а 36 документов [8, с. 11–64] (об этом см. далее). О письмах, не вошедших в материалы А. Н., см.: [9, с. 47–9].

в издательство, но 23 мая 1940 г. А. Н. умирает, потом начинается война. В результате переписка двух выдающихся композиторов была опубликована в сокращенном виде только в 1945 г. [10, с. 121–48]⁸.

Собранные А. Н. материалы во всех последующих публикациях писем Чайковского и Римского-Корсакова в ПСС обоих композиторов уже практически не использовались. Остается во многом неизвестной и большая вступительная статья к переписке, подготовленной А. Н. к печати, хранящаяся ныне в фонде А. Н. в РИИИ. Документы свидетельствуют: в 1940 г. А. Н. узнает, что полностью подготовленную статью опубликовать вместе с письмами не получится, ему предлагается собственно переписку и статью печатать отдельно. В фонде ученого представлен документ — тетрадный листок, где в написанной от руки преамбуле А. Н. вводит самостоятельное название статьи («Чайковский и Римский-Корсаков в их личных взаимоотношениях (1868–1893 гг.)»⁹) и дает следующее пояснение: «Настоящая статья представляет собою часть небольшой книги, которую по соображениям технического порядка пришлось разбить на несколько частей (в основном — на две). Одна (главная) из этих частей — именно сама переписка композиторов с весьма скромными комментариями — принята к печати и должна войти в состав тома “Переписка П. И. Чайковского с русскими композиторами”. Другая составляет содержание здесь печатаемой статьи. К сожалению, не зависящие от автора обстоятельства помешали появлению обеих частей в одном издании или хотя бы одновременно. Главная, первая часть — переписка — должна была бы предшествовать появлению второй. При опубликовании же второй раньше первой происходит невольное забегание вперед, и часть материала остается затронутой слишком бегло. Идя навстречу редакции, я решил сознательно отказаться от многих соображений, ограничившись самым главным. Во всем же прочем — ждать текста писем, часто разъясняющих неясное даже и без дальнейших комментариев» [IV, л. 2]. Но и в сокращенном виде статья не была опубликована.

Полная статья А. Н., на наш взгляд, — не просто введение в суть событий, отраженных в переписке и весьма непростых для комментирования. Она может рассматриваться скорее как попытка обозначить невероятно сложную проблему: существование в одном музыкальном пространстве двух великих композиторов. А. Н. не стремится в статье продемонстрировать свою отстраненность, его текст внутренне, а иногда и открыто полемичен. Например, рассуждая о том, что письма все еще остаются неизданными, он восклицает: «Как это могло случиться? Ведь ни одна из опубликованных за последние 20 лет переписок русских музыкальных деятелей не объединяла в *общем заглавии* двух столь значительных имен. Может быть, в этой переписке речь идет всего лишь о малозначащих, как бы случайных записках и с той и с другой стороны? Ни в коем случае! Следовательно, причины подобного “равнодушия” нужно искать в фактах совершенно другого порядка. Каких же, спрашивается?» [IV, л. 2]¹⁰.

⁸ Первое письмо Н. А. из этой переписки было опубликовано в историческом журнале «Красный архив» [11]. В подзаголовке письма ошибочно указано: «...23 апреля [до 1896 г.]» вместо «...23 апреля [до 1869 г.]».

⁹ Проблема взаимоотношений двух композиторов обозначается также в работах [12–16].

¹⁰ Курсивом здесь и далее нами обозначены фрагменты текста, подчеркнутые А. Н. в статье.

Количество сохранившихся писем сравнительно невелико (18 с каждой стороны по изданию в ПСС Н. А. Римского-Корсакова [8]¹¹), если учесть значительную эпистолярную активность обоих авторов в целом. К тому же в переписке отмечается длительная временная пауза продолжительностью более восьми лет (с 29 сентября 1876 г. по 6 апреля 1885 г.). Перед исследователем переписки стояла непростая задача, обусловленная тем, что один из корреспондентов был его отцом, и это неизбежно лишало выводы и наблюдения абсолютной объективности. Сложные проблемы, обозначенные в письмах Чайковского, А. Н. оценивает очень строго, представленные же в письмах Н. А. — тактично. К тому же именно в отце, вопреки сложившимся установкам, А. Н. видит главу «Могучей кучки», когда пишет: «...нас, разумеется, не могут касаться все те глубоко интересные темы, которые затрагиваются этой перепиской. Но поскольку последняя прямо или косвенно касается отношения Чайковского к группе музыкантов, возглавлявшейся Н. А., ее не может игнорировать эта наша статья» [IV, л. 12].

Работа исследователя с письмами, как известно, обладает существенной особенностью: ученый не может обойти вниманием никакое, даже самое по разным причинам неудобное для комментирования высказывание участника переписки, особенно учитывая, как в рассматриваемом случае, малое количество писем. При оценке событий действует закон «родственных уз», срабатывающих на подсознательном уровне. А. Н. пишет: «Неудача Чайковского с его музыкой к сказке “Снегурочка” Островского¹² — иначе как неудачу Николай Андреевич *со своей точки зрения* не мог воспринимать это произведение; уклон Чайковского в балетную музыку, начиная с “Лебединого озера” и кончая “Спящей красавицей” и “Щелкунчиком”; тяготение к опере с французскими сюжетами (“Орлеанская дева”, “Иоланта”), а в симфоническом творчестве, начиная с третьей симфонии, — к пути индивидуализма и субъективизма, пути углубления в лирические, драматические и трагические переживания своего “я”, <...> в глазах Николая Андреевича, в большей или меньшей мере уклоняется от общественных, народных корней русской музыки» [V, л. 20–21]. Здесь А. Н. словно говорит от лица своего отца.

Основную исследовательскую позицию А. Н. формулирует в статье следующим образом: «Отношения Римского-Корсакова и Чайковского не носили характера интимно-тесных и глубоких — очень уж *разны были как человеческие натуры, так и творческие установки этих двух современников*. А если так, то нужно ли искать в их переписке каких-либо неожиданных откровений, способных пролить свет на волнующие нас вопросы их творческой и общественной психологии, нужно ли задумываться об истинной и полной картине их отношений?» [V, л. 2–3]. В тексте статьи А. Н. действительно до определенного момента отказывается от подобных поисков, сосредоточивая внимание преимущественно на фактологической стороне. Но далее оценка отношений, однако, приобретает более категоричный оттенок: «Лично они интересуются друг другом как будто в очень малой степени. Но это отсутствие интереса не есть следствие простой территориальной разобщенности или занятости каждого своим делом. Это скорее результат осязаемого в глубине

¹¹ Далее цитаты из писем приводятся по этому изданию.

¹² Музыка к весенней сказке А. Н. Островского «Снегурочка» (19 номеров), ор. 12, была написана П. И. Чайковским в 1873 г. по заказу Комиссии по управлению московскими Императорскими театрами и по просьбе самого автора пьесы. Опера Н. А. «Снегурочка» была закончена в 1881 г.

внутреннего расхождения, которое становится тем яснее для обеих сторон, чем зрелее становятся их таланты и личности» [V, л. 16].

Информация, которой оперирует А. Н., в настоящее время во многом хорошо известна, и, собственно, не в ней суть научных позиций автора. Хотелось бы выделить основные исследовательские принципы А. Н., которых он неукоснительно придерживается в рассматриваемой, как, впрочем, и в других своих работах.

Основное внимание в подготовке публикации текстов А. Н. уделяет условиям представления историко-психологического контекста и необходимого научного комментирования (он пишет: «Можно ли <...> назвать знание этих писем полным, раз у нас не имеется ни общего контекста, в котором они зародились, ни необходимых исторических разъяснений их содержания? Конечно, нет!» [V, л. 3]). Добавим к этому и попытку косвенно восстановить содержание утраченных посланий: очевидность их существования выявляется из текстов самих писем. Например, уже первое из сохранившихся писем Н. А. к Чайковскому от 23 апреля 1868 г. начинается со слов: «Простите меня, Петр Ильич, что я так долго не отвечал на Ваше письмо...» [8, с. 23], — и, следовательно, предполагает существование предшествующего письма. Важным источником информации для А. Н. в попытках восстановить лакуны является опубликованная к тому времени переписка Чайковского с другими корреспондентами, в первую очередь с Н. Ф. фон Мекк [7], ставшая достоянием научной и музыкальной общественности в годы работы А. Н. над статьей. Об издании писем Чайковского и фон Мекк А. Н. высказывается вполне определенно: «В целом, однако, интереснейшая переписка Петра Ильича с Надеждой Филаретовной несколько приторно надушена запахом вынужденно искренней, не знающей меры благодарности со стороны Петра Ильича» [IV, л. 12].

Одной из реально отраженных в переписке Чайковского¹³ и Н. А. ситуаций стала работа Н. А. в консерватории, о которой А. Н. пишет: «Чайковский и Римский-Корсаков стали коллегами, правда, не по одному учреждению, а по двум, но зато тесно родственным (обе — консерватории). Между композиторами к этому времени установились и по кружку, и за его пределами отношения еще более дружественные. Нам представляется невероятным, чтобы в Николае Андреевиче во время его встреч с Чайковским в промежуток между 1871 и 1873 гг. не проснулось желание поделиться с Петром Ильичом своими беспокойными думами и сомнениями, другими словами, чтобы Николаю Андреевичу не захотелось посоветоваться с Петром Ильичом о способах, которые помогли бы ему выйти из трудного положения, с одной стороны, профессора без необходимых знаний, с другой — композитора, теряющего твердую почву под ногами. Казалось, переписка между Николаем Андреевичем и Петром Ильичом должна была каким-нибудь краешком хотя бы, если уж не прямо, задеть эти вопросы. Спрашивается, есть ли для этого данные в переписке? Прямых, к сожалению, пока нет; косвенные же, на наш взгляд, есть, притом очень веские» [IV, л. 3–4].

А. Н. в отдельных случаях словно вступает в полемику с Чайковским. В частности, это касается знаменитого большого письма Чайковского к Н. Ф. фон Мекк от 24 декабря 1877 г., где Чайковский дает развернутую и во многом нелицеприятную характеристику членам Новой русской школы. Чайковский пишет: «Все новейшие

---

¹³ Высказывания Чайковского о Н. А. приводятся, в частности, в статье [17].

петербургские композиторы — народ очень талантливый, но все они до мозга костей заражены самым ужасным самомнением и чисто дилетантской уверенностью в своем превосходстве над всем остальным музыкальным миром. Исключение из них в последнее время представляет Римский-Корсаков...» [7, т. 1, с. 135]. Для А. Н. важно, что Чайковский пишет о Н. А., «...не только особо выделяя его из всей группы по отношению к его прошлому, но вместе с тем и отнюдь не желая ставить на нем при всех своих отрицательных оговорках крест, как на других, в отношении его будущего, поскольку это высказывание ограничено кругом ранних произведений Николая Андреевича и опытов его переходного времени. “Николай Андреевич выдерживает теперь кризис, и чем этот кризис кончится, сказать трудно”, — пишет сам Петр Ильич, было бы смешно возражать на отдельные преувеличения или просто ошибочные утверждения Чайковского. <...> В данном случае эта выдержка должна пониматься не как окончательное мнение Чайковского о Римском-Корсакове вообще, а как проходящий симптом его отношения к Новой русской школе в целом <...>, а вместе с тем — как и симптом отношения Петра Ильича к *переходной поре Николая Андреевича*» [IV, л. 13].

В оценке деятельности П. И. Чайковского А. Н. выходит далеко за пределы информации, необходимой для комментирования писем. Ученый пытается нарисовать творческий и психологический портрет Чайковского, пишет о его личных переживаниях. Важным для А. Н. является, например, возможность противопоставить неустроенность личной жизни Чайковского и семейное благополучие Н. А.: «...эволюционным процессам в Николае Андреевиче способствует как нельзя более налаженная уже с 1872 года его семейная жизнь. Она представляет, как известно, контраст с бездомностью и скитальчеством Чайковского за те же годы» [IV, л. 16].

На страницах обширной в целом переписки Н. А. с другими корреспондентами имя Чайковского появляется, как известно, сравнительно редко. А. Н. комментирует это следующим образом: «В письмах Николая Андреевича, вообще не щедрых на теоретические высказывания общих мыслей идейно-художественного порядка, имя Чайковского как знамя определенного направления не рассматривается почти нигде, а если затрагивается, то только мимоходом. Тем не менее по личной памяти мне известно — да имеются на это намеки и в более интимных и откровенных письмах Николая Андреевича (например, к С. Н. Кругликову¹⁴), — что на его ухо и вкус как балакиревца уже с ранней поры в музыке Чайковского дает чувствовать себя временами безразличная и безличная музыкальная техника консерватора; это чувство все более и более усиливается в нем вместе с его художественным возрождением (конец 70-х — начало 80-х годов)» [IV, л. 20]¹⁵.

Самый интересный, на наш взгляд, раздел статьи — завершающий, он начинается следующими установками А. Н.: «Итак, подводя заключительный итог отношениям между Чайковским и Римским-Корсаковым за 23 года их переписки, точнее, за 25 лет их знакомства (1868–1893), мы не можем не отметить следующих фактов внешнего параллелизма их общественного склада» [IV, л. 42]. Здесь, в обобщающем разделе, давая оценку всем материалам, А. Н. максимально старается со-

¹⁴ Кругликов Семен Николаевич (1851–1910) — русский музыкальный критик. Ученик и друг Н. А.

¹⁵ В одной из статей дирижера Н. А. Малько, ученика Н. А., отмечается: «Популярность Чайковского была Римскому-Корсакову неприятна» [18, с. 91].

хранять объективность, подчас противореча уже высказанным ранее позициям. Основная идея заключительного раздела статьи — показать сходство и различие двух творческих личностей. Приведем некоторые фрагменты.

«П. И. Чайковский и Н. А. Римский-Корсаков — почти сверстники. <...> Отцы их были видными представителями служилого дворянства — один администратор-инженер, носивший по условиям времени на плечах эполеты, другой — гражданский губернатор.

Оба отдали своих детей в привилегированные дворянские учреждения — в Училище праведения и Морской кадетский корпус. И молодой Чайковский, и Римский-Корсаков в результате такого семейно-школьного воспитания и образования попали сначала не на свою настоящую дорогу: Чайковский — на путь гражданского чиновничества, Римский-Корсаков — на путь военно-морского ремесла, и каждый лишь с запозданием утвердился в своем естественном призвании, порвав с начатой было банальной служебной деятельностью.

Оба — и Чайковский, и Римский-Корсаков — благодаря исключительным своим природным талантам во второй половине XIX века выделились среди других выдающихся русских композиторов и приобрели значение определяющих, ведущих сил русской музыкальной школы XIX–XX вв.

Оба вели преподавательскую деятельность. <...> Оба были слушателями первых своих музыкальных произведений на тех же эстрадах и театрах, и оба, правда, один (Чайковский) несколько раньше, другой (Римский-Корсаков) позже, завоевали себе мировое признание. <...> Оба были типичными профессионалами в своем искусстве. Оба отличались огромной любовью к собственной работе. Более того, Чайковский и Римский-Корсаков были близко знакомы друг с другом и питали, как мы видели выше, явные симпатии один к другому, симпатизируя не только личным качествам, но и творческим методам друг друга. Оба они хорошо знали главные сочинения, составившие славу каждого из них, и состояли в переписке, касающейся многих важных тем.

И вместе с тем активного стремления к углублению этих отношений ни с той ни с другой стороны никогда в сущности не было.

Лишь в определенный период жизни эти симпатии подавали надежду на более углубленное развитие. То были годы, когда Николай Андреевич после блестящего периода первого цветения собственного таланта временно задержался на пути своего дополнительного запоздалого учения, а Чайковский взял как бы шефство над ним.

В эти годы Петр Ильич получил в глазах Николая Андреевича значение старшего направляющего собрата по искусству, а Николай Андреевич в глазах Чайковского — значение выдающегося и многообещающего, но отставшего в своем музыкально-техническом развитии таланта и вместе с тем высокой по моральному уровню личности.

Индивидуальная судьба каждого из них разорвала как будто нарождавшуюся их дружескую связь.

Они встретились вновь через семь лет (1884 г.) уже зрелыми людьми и мастерами.

Былые взаимные симпатии, несмотря на попутные легкие колебания, продолжали в них жить и в этих новых условиях, правда, в более поверхностных, чем раньше, слоях их души. Оба чувствовали, что художественные пути их значительно разошлись.

В Чайковском интерес к творчеству Николая Андреевича продолжал быть более острым, как и вообще интерес к людям, будучи, быть может, вместе с тем уже слегка отравленным невольным соревнованием между ними (“Снегурочка”).

В Римском-Корсакове отмеченные только что симпатии уживались под конец с некоторой опаской перед Чайковским как знаменем — опаской за судьбу своей школы, за незыблемость национальных идеалов, за их чистоту от всяких уклонов в сторону эклектизма.

В Чайковском этой опаски не было и не могло быть. У Петра Ильича были подражатели, но школы как таковой не существовало.

В дальнейшем взаимные симпатии в том и в другом вошли в спокойное русло обоюдного восхищения мастерством — у Чайковского оркестровым прежде всего. Это восхищение сложилось в Чайковском несколько раньше; в Римском-Корсакове — позже.

Здесь помимо отмеченной опаски в Николае Андреевиче (как главы школы) отразилась, быть может, разница в судьбе творчества каждого из композиторов. Чайковский утвердил себя прежде и больше всего — по крайней мере в пределах России — в жанре оперы. Симфонии его исполнялись сравнительно редко. Их как бы заново открыл уже после смерти Чайковского дирижерский гений Никиша¹⁶. Оперы же Петра Ильича удовлетворяли Николая Андреевича в *целом* мало — и по заданиям, и по выполнению; ему была чужда их стилистическая пестрота, а порою в нем вызывала сомнение, как было с “Евгением Онегиным”, и чрезмерная близость сюжета к современности — вкус Николая Андреевича требовал большего от нее отхода; наконец, музыка “Евгения Онегина”, может быть, несколько отталкивала Николая Андреевича сознательностью, родственностью своею с эпохой так называемого русского “дилетантизма”.

В Чайковском же творчество Николая Андреевича наткнулось на внутренние возражения в силу некоторого однообразия своей фактуры, чрезмерной связи с русским фольклором, неизжитостью элементов кучкизма и близости к общим приемам Новой русской школы» [IV, л. 42–3].

Как можно определить значение этой статьи А. Н., написанной много десятилетий назад? Строго говоря, она не привносит ничего нового для современного читателя, ее материалы давно обработаны и поданы с большей полнотой и научной обоснованностью в разных исследованиях творчества обоих композиторов. На наш взгляд, важно другое: в статье А. Н., посвященной рассмотрению отношений выдающихся композиторов России, открывается личность самого исследователя, стоящего перед очень трудной задачей — воссоздать облик художников, обратить внимание на особенности творческого пути и, самое главное, обозначить их роль в истории русской музыкальной культуры.

Литература

1. Чайковский, Модест. *Жизнь П. И. Чайковского (по документам, хранившимся в архиве в Клину)*. 3 тома. М.; Лейпциг: Изд-во П. Юргенсона, 1900–1903.
2. Римский-Корсаков, Андрей. *Н. А. Римский-Корсаков. Жизнь и творчество*. 5 книг. М.: Музгиз, 1933–1946.
3. Орлова, Александра, и Владимир Римский-Корсаков, авт.-сост. *Страницы жизни Н. А. Римского-Корсакова. Летопись жизни и творчества*. 4 выпуска. Л.: Музыка, 1969–1973.
4. Римский-Корсаков, Николай. *Переписка с В. В. Ястребцевым и В. И. Бельским*. Сост. Людмила Барсова. СПб.: Изд-во СПбГК, 2004.
5. Жегин, Николай, и Сергей Попов, предисл. и примеч. “Письма П. И. Чайковского к А. И. и Н. А. Губерт”. В кн. *Прошлое русской музыки. Материалы и исследования*, 15–64. Петроград: Огни, 1920, т. 1.
6. Чайковский, Пётр. *Дневники*. Подгот. Ипполит Чайковский, предисл. Сергей Чемоданов, примеч. Николай Жегин. М.; Л.: Музгиз, 1923.
7. Чайковский, Пётр. *Переписка с Н. Ф. фон Мекк*. Ред., прим. Владимир Жданов и Николай Жегин. 3 тома. М.; Л.: Academia, 1934–1936.

---

¹⁶ Никиш Артур (Nikisch Artúr; 1855–1922) — венгерский дирижер, активно пропагандировавший произведения русских композиторов, в первую очередь П. И. Чайковского.

8. Римский-Корсаков, Николай. *Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка*, подгот. Анастасия Ляпунова и Эльза Язовицкая, 11–64. 8 томов. М.: Музыка, 1970, т. 7.
9. Киселёв, Василий. “Неизвестные письма Чайковского и Римского-Корсакова”. *Советская музыка*, no. 10 (1953): 47–9.
10. “Переписка П. И. Чайковского и Н. А. Римского–Корсакова” В сб. *Советская музыка*, 121–48. 6 томов. М.; Л.: Музгиз, 1945, т. 3.
11. Бортникова, Евгения, подгот. “Из переписки П. И. Чайковского”. *Красный архив*, no. 3/100 (1940): 253–4.
12. Римский-Корсаков, Николай. *Летопись моей музыкальной жизни*. 7-е изд. М.: Музгиз, 1955.
13. Финдейзен, Николай. “Чайковский и Римский-Корсаков (опыт параллели композиторов-современников)”. *Литературное и популярно-научное приложение “Нивы”*, no. 1 (1910): 91–122.
14. Ливанова, Тамара. “Римский-Корсаков и Чайковский”. В кн. *Римский-Корсаков. Музыкальное наследие. Исследования. Материалы. Письма*, 285–96. 2 тома. М.: АН СССР, 1953, т. 1.
15. Туманина, Надежда. *Чайковский. Путь к мастерству. 1840–1877*. М.: АН СССР, 1962.
16. Римский-Корсаков, Михаил. “Запись о Чайковском. Публикация П. Е. Вайдман”. В кн. *П. И. Чайковский. Забытое и новое. Альманах. Исследования. Материалы и документы к биографии. Воспоминания современников. Из фотоархива. ГДМЧ*, сост. Полина Вайдман и Галина Белонович, 355–62. М.: Интерграф сервис, 2003, вып. 2.
17. “П. И. Чайковский о Н. А. Римском-Корсакове”. *Театр*, no. 239 (1908): 13–4.
18. Малько, Николай. “Воспоминания о Римском-Корсакове”. *Советская музыка*, no. 8 (1958): 88–93.

Источники

- I. РИИИ. Ф. 8. Оп. Р. I Б. Ед. хр. 18.
- II. РИИИ. Ф. 8. Оп. Р. VII. Ед. хр. 50.
- III. РИИИ. Ф. 8. Оп. Р. VII. Ед. хр. 53.
- IV. РИИИ. Ф. 8. Оп. Р. I Б. Ед. хр. 21.
- V. РИИИ. Ф. 8. Оп. Р. I Б. Ед. хр. 16.

Статья поступила в редакцию 21 апреля 2018 г.;
рекомендована в печать 30 августа 2018 г.

Контактная информация:

Гусейнова Зивар Махмудовна — д-р искусствоведения; zivar-g@mail.ru

“Tchaikovsky and Rimsky-Korsakov as Reflected in Their Friendship”: An Unpublished Article by A. N. Rimsky-Korsakov

Z. M. Guseinova

St. Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory,
3, Teatralnaya sq., St. Petersburg, 190000, Russian Federation

For citation: Guseinova, Zivar. “‘Tchaikovsky and Rimsky-Korsakov as Reflected in Their Friendship’: An Unpublished Article by A. N. Rimsky-Korsakov”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts* 8, no. 4 (2018): 567–77. <https://doi.org/10.21638/spbu15.2018.402> (In Russian)

The paper discusses the materials related to the work of A. N. Rimsky-Korsakov (1878–1940, son of the composer, musicologist, Ph.D.) in the 1930s when he was preparing the first scientific publication of the small, yet significant correspondence between the distinguished Russian composers P. I. Tchaikovsky (1840–1893) and N. A. Rimsky-Korsakov (1844–1908). Before that, the letters of the musicians had been published only in parts; researchers into the composers’ legacy had used and quoted only certain excerpts. A. N. Rimsky-Korsakov col-

lected all the letters known at that time (not all the letters we know today had been found by then) from various archives of the USSR, including the House-Museum of P. I. Tchaikovsky in Klin. He also prepared an academic commentary and wrote a large research paper on the issues discussed in the correspondence and the most complicated aspects of the musicians' works. The correspondence was only published as late as in 1945 in the third collection of papers "Soviet music", without A. N. Rimsky-Korsakov's introductory article. His materials were practically never used in the subsequent editions of either composer's letters. Now these materials — the introductory paper to the correspondence and independent studies of the musicians' friendship — are part of the scholar's archive at the Cabinet of manuscripts in the Russian Institute of Art History (Saint Petersburg). Despite dating back over 80 years, they retain their significance, thanks to the researcher's road knowledge and expertise, his personal involvement in many of the events under consideration, as well as his personal interest in an unbiased interpretation of the correspondence.

Keywords: P. I. Tchaikovsky, N. A. Rimsky-Korsakov, A. N. Rimsky-Korsakov, correspondence, manuscript, study, Russian Institute of Art History.

References

1. Chaikovskii, Modest. *Zhizn' P. I. Chaikovskogo (po dokumentam, khranivshimsia v arkhive v Klinu)*. 3 vols. Moscow; Leiptsig: Izdatel'stvo P. Iurgensona, 1900–1903. (In Russian)
2. Rimskii-Korsakov, Andrei. *N. A. Rimskii-Korsakov. Zhizn' i tvorchestvo*. 5 books. Moscow: Muzgiz, 1933–1946. (In Russian)
3. Orlova, Aleksandra, and Vladimir Rimskii-Korsakov, comp. *Stranitsy zhizni N. A. Rimskogo-Korsakova. Letopis' zhizni i tvorchestva*. 4 issues. Leningrad: Muzyka, 1969–1973. (In Russian)
4. Rimskii-Korsakov, Nikolai. *Perepiska s V. V. Iastrebtsevym i V. I. Bel'skim*. Compiled by Liudmila Barsova. St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGK, 2004. (In Russian)
5. Zhegin, Nikolai, and Sergei Popov, pref. and comm. "Pis'ma P. I. Chaikovskogo k A. I. i N. A. Gubert". In *Proshloe russkoi muzyki. Materialy i issledovaniia*, 15–64. Petrograd: Ogn, 1920, vol. 1. (In Russian)
6. Chaikovskii, Petr. *Dnevniki*. Prepared by Ippolit Chaikovskii, prefaced by Sergei Chemodanov, commented by Nikolai Zhegin. Moscow; Leningrad: Muzgiz, 1923. (In Russian)
7. Chaikovskii, Petr. *Perepiska s N. F. fon Mekh*. Edited and commented by Vladimir Zhdanov and Nikolai Zhegin. 3 vols. Moscow; Leningrad: Academia, 1934–1936. (In Russian)
8. Rimskii-Korsakov, Nikolai. *Polnoe sobranie sochinenii. Literaturnye proizvedeniia i perepiska*, prepared by Anastasiia Liapunova and El'za Iazovitskaia, 11–64. 8 vols. Moscow: Muzyka, 1970, vol. 7. (In Russian)
9. Kiselev, Vasilii. "Neizvestnye pis'ma Chaikovskogo i Rimskogo-Korsakova". *Sovetskaia muzyka*, no. 10 (1953): 47–9. (In Russian)
10. "Perepiska P. I. Chaikovskogo i N. A. Rimskogo-Korsakova" In *Sovetskaia muzyka*, 121–48. 6 vols. Moscow; Leningrad: Muzgiz, 1945, vol. 3. (In Russian)
11. Bortnikova, Evgeniia, comp. "Iz perepiski P. I. Chaikovskogo". *Krasnyi arkhiv*, no. 3/100 (1940): 253–4. (In Russian)
12. Rimskii-Korsakov, Nikolai. *Letopis' moei muzykal'noi zhizni*. 7th ed. Moscow: Muzgiz, 1955. (In Russian)
13. Findeizen, Nikolai. "Chaikovskii i Rimskii-Korsakov (opyt paralleli kompozitorov-sovremennikov)". *Literaturnoe i populiarno-nauchnoe prilozhenie "Nivy"*, no. 1 (1910): 91–122. (In Russian)
14. Livanova, Tamara. "Rimskii-Korsakov i Chaikovskii". In *Rimskii-Korsakov. Muzykal'noe nasledstvo. Issledovaniia. Materialy. Pis'ma*, 285–96. 2 vols. Moscow: AN SSSR, 1953, vol. 1. (In Russian)
15. Tumanina, Nadezhda. *Chaikovskii. Put' k masterstvu. 1840–1877*. Moscow: AN SSSR, 1962. (In Russian)
16. Rimskii-Korsakov, Mikhail. "Zapis' o Chaikovskom. Publikatsiia P. E. Vaidman". In *Chaikovskii. Zabytoe i novoe. Al'manakh. Issledovaniia. Materialy i dokumenty k biografii. Vospominaniia sovremennikov. Iz fotoarkhiva. GDMCh*, compiled by Polina Vaidman and Galina Belonovich, 355–62. Moscow: Intergraf servis, 2003, iss. 2. (In Russian)
17. "P. I. Chaikovskii o N. A. Rimskom-Korsakove". *Teatr*, no. 239 (1908): 13–4. (In Russian)
18. Mal'ko, Nikolai. "Vospominaniia o Rimskom-Korsakove". *Sovetskaia muzyka*, no. 8 (1958): 88–93. (In Russian)

Sources

- I. *KR RIII. F. 8. Op. R. I B. Ed. khr. 18. [Russian Institute of Art History. Cabinet manuscripts. Stock 8. Inventory R. I B. Record 18].* (In Russian)
- II. *KR RIII. F. 8. Op. R. VII. Ed. khr. 50. [Russian Institute of Art History. Cabinet manuscripts. Stock 8. Inventory R. VII. Record 50].* (In Russian)
- III. *KR RIII. F. 8. Op. R. VII. Ed. khr. 53. [Russian Institute of Art History. Cabinet manuscripts. Stock 8. Inventory R. VII. Record 53].* (In Russian)
- IV. *KR RIII. F. 8. Op. R. I B. Ed. khr. 21. [Russian Institute of Art History. Cabinet manuscripts. Stock 8. Inventory R. I B. Record 21].* (In Russian)
- V. *KR RIII. F. 8. Op. R. I B. Ed. khr. 16. [Russian Institute of Art History. Cabinet manuscripts. Stock 8. Inventory R. I B. Record 16].* (In Russian)

Received: April 21, 2018
Accepted: August 30, 2018

Author's information:

Zivar M. Guseinova — Dr. Habil.; zivar-g@mail.ru